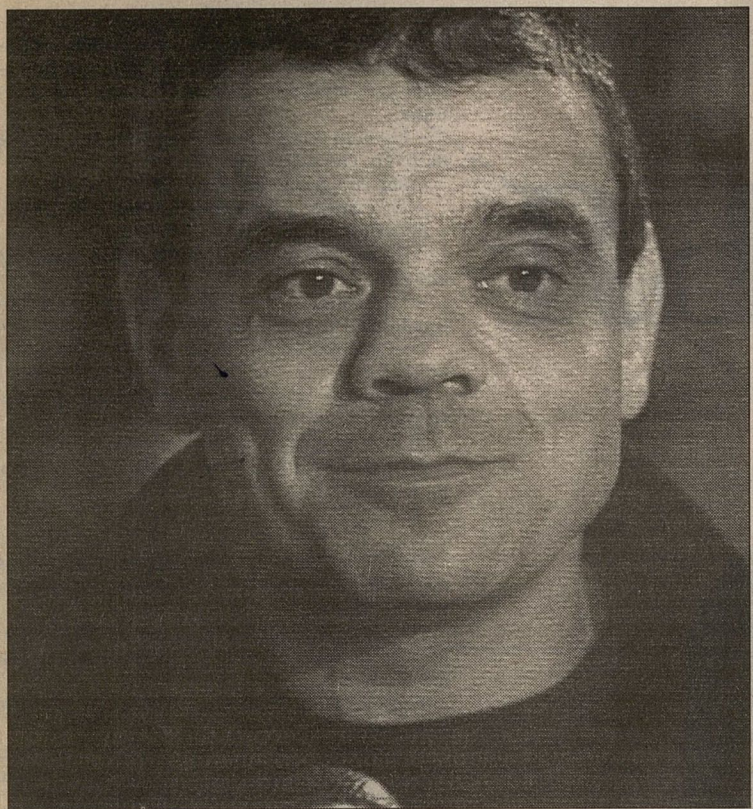

1136-37 (1999)

Райкин Константин

Константин РАЙКИН:

«Люблю атаку на зрителя»

Три года назад актер, режиссер и худрук популярного московского театра «Сатирикон» Константин Райкин взвалил на свои плечи еще один приятный груз — возглавил курс в Школе-студии МХАТ. Итогом трехлетней работы стал дипломный спектакль «Страна любви» по «Снегурочке» А.Н.Островского, который вошел в репертуар театра. Еще до премьеры доходили слухи, что спектакль будет насыщен музыкой, танцами, песнями и любовью. Правда, было опасение, что на сцену выйдут 20 молодых райкиных. И хотя в учениках Константина Аркадьевича, безусловно, прослеживаются гены их мастера, но все они, что называется, «сами с усами»: красивые, пластичные, яростные, музыкальные. Беседуя с Константином Аркадьевичем, интервьюер почувствовал, что «патерналистская функция» пошла ему на пользу: мэтр помолодел, повеселел, стал мягче, улыбчивее и умиротвореннее.

— Константин Аркадьевич, преподавание вам — в удовольствие или это, прежде всего, необходимость художественного руководителя театра готовить актерскую смену?

— Необходимость готовить смену не исключает удовольствия, которое я от этого получаю. Я бы не стал заниматься преподавательской деятельностью, если бы это иногда не приносило мне острые моменты наслаждения. Увлечение театральной педагогикой было и раньше, просто сейчас это совпало с моими интересами художественного руководителя. Так что это, с одной стороны, необходимость для театра, с другой — дело, которое для меня является одним из любимых.

— Известно, что вы достаточно круты и как художественный руководитель, и как режиссер. В данном случае вы руководствуетесь такой же методикой?

— Да, пожалуй. Мне кажется, что только так и возможно. Я очень увлечен своими студентами, я их люблю, но любовь моя — чисто профессионального свойства. Я всерьез на них надеюсь, у меня на это поколение, на этих студентов сделана ставка в жизни. Набирая первый курс, я смотрел на них как на будущих артистов театра «Сатирикон» и сейчас уже воспринимаю их именно так. Поэтому я с ними не церемонился, не сюсюкал. Того, кто мне не подходил, я просто выгнал. Таких оказалось немало. Если они меня в чем-то не устраивают в работе, я с ними бываю настырен и

даже жесток. Я их переделываю так, как мне это представляется правильным. Ведь работа на большой сцене, в большом зале и вообще в профессиональном театре — это вещь жесткая, даже, я бы сказал, беспощадная. Ведь самые строгие судьи — это зрители. Поэтому лучше я на своих студентов лишний раз надавлю, накричу, чем они столкнутся с таким явлением, как уход зрителя. Я очень боюсь неуспеха, если хотите, я его боюсь больше смерти. Ужаснее неуспеха, кашля в зале, отсутствия внимания со стороны зрителя ничего страшнее быть не может. Я терпеть не могу скуки, борюсь с вялостью на сцене. Считаю, что успех — это критерий. Он не абсолютный, но он абсолютно необходим. Это недостаточно, чтобы считать спектакль хорошим, но это совершенно необходимый фактор. Хороший спектакль без успеха — это, по-моему, абсурд. Если так случилось, значит, допущен какой-то просчет. Если спектакль замечательный, он должен иметь огромный успех.

— Вы сказали о вялости, но, по-моему, к вашим студентам это слово совершенно неприменимо. Я даже в какой-то момент испугался, что они не потянут, не выдержат.

— Они, действительно, работают напряженно, но вы ведь видите результат и не знаете, какими силами этот результат достигнут. Для того, чтобы они не были вялыми и были достойными внимания зрителей, надо очень много работать. Я с ними работаю трудно и тяжело. И мне самому бывает очень нелегко с ними, и им со мной. И я их мучаю, и они меня. А в общем, все это называется счастьем. Потому что, откровенно говоря, им очень повезло. Это случай в некотором смысле беспрецедентный, когда дипломный спектакль становится премьерой большого театра, причем, на большой сцене. Ведь это студенты, еще не закончившие театральный институт! На протяжении всего своего 4-го курса они будут играть на большой сцене одного из самых известных и востребованных театров Москвы. Причем, в этом спектакле нет ни одного артиста из взрослого поколения. Это — случай достаточно редкий, может, даже единственный. Это называется везением, счастьем, это надо ценить, и этому надо служить, это надо отработать. Чего я от них и жду, на что я и рассчитываю.

— Здесь сразу возникает непростой вопрос: найдутся ли потом для них роли в репертуаре?

— Роли я для них найду, и нашел уже, и дальше буду их активно в театре использовать и давать им творчески развиваться. Это — моя задача, мой творческий интерес, мой долг, если хотите. Тут все связано воедино. На одном чувстве долга в театре тоже не продер-

жишься, тут нужна еще другая заинтересованность — творческая. Я с ними общаюсь не как с детьми, предъявляю им требования как артистам театра. Они играют роли во всех последних спектаклях, иногда даже главные роли. В «Доходном месте», например, главную роль играет Глафира Тарханова, а теперь и Марина Дровосекова играет взрослую, даже возрастную роль. Я вправе от них требовать очень многого и вправе на них рассчитывать. Что я и делаю.

— Не будут ли они противопоставлены основной труппе? Не станет ли их команда «театром в театре»?

— У меня нет вообще такого понятия — основная и не основная труппа. У меня уже это бывало, когда дееспособное, активное, новое поколение вливалось в жизнь театра и становилось «главным» поколением театра. Так произошло с Денисом Сухановым, Гришей Сиятвиндой, Граней Стекловой. Они не только пришли в театр, но и сыграли все главные роли в «Кюджинских перепалках», у нас был такой «этапный» спектакль. Они сразу заявили о себе, как о ведущих артистах театра. Сейчас Граня Стеклова — самая востребованная актриса. Гриша Сиятвинда и Денис Суханов в этом году получили Государственную премию за свои последние работы. Они — ведущие артисты в буквальном смысле слова, на них держится репертуар театра. Я надеюсь, что так случится и сейчас. Глафира Тарханова, например, сыграла уже вторую роль: после Полины в «Доходном месте» — Нину в «Маскараде», — спектакле, который поставил Владимир Агеев. Значит, здесь есть какая-то последовательность. Так, я надеюсь, произойдет и с другими, формально говоря, артистами-студентами. А с кем-то придется расстаться. Я ведь никогда не клялся им в верности. И если они меня не будут удовлетворять дальше, я попрошу их уйти. Это вполне возможный вариант.

— Становятся ли они вашими единомышленниками, или пока еще — просто слепыми исполнителями мощной воли своего мастера?

— До единомышленников, так уж впрямую, им еще не пора dorастать. Потому что в театре существует такое понятие (и не надо закрывать на него глаза) как некий офицерский состав и состав рядовых. По своему опыту, мере убежденности в искусстве, привязанности они — еще все-таки рядовые. А это значит, что они пока — исполнители моей воли. И не надо в этом смысле лукавить и кокетничать. Другое дело, что в них, как мне кажется, уже прорастают зерна любви к такому театру, которые я заронил. Надеюсь, что они станут приверженцами такого театрального направления.

— Можете ли вы вкратце сформулировать, в чем состоит это направление?

— Наш театр открыт для зрителя и даже любвеобилен по отношению к нему. Это — очень энергичный, но не эпатажный театр. Актеры выходят к зрителям, и для них, для зрителей, работают. Это — явление не частое. Многие театры декларируют, что они не любят зрителей, им важнее процесс репетиций, чем встреча со зрителем. И что зрители они «допускают» до своего разговора с Богом (у них, видимо, есть прямая с Богом связь). А зрители здесь совершенно необязательны. У меня всегда были другие ориентиры. И я хочу,

чтобы молодежь к такому театру прикипела, полюбила его, чтобы это стало их верой. Но для этого должно пройти время. Во-первых, они должны смотреть вокруг, сравнивать. Я люблю, когда они ходят и смотрят другие театры: хорошие актерские работы, хорошие спектакли, хорошую режиссуру. Я хочу, чтобы они меня продолжали любить, но в сравнении с другими. Мне кажется, что мне и моему театру сравнения не страшны. И не потому, что мы лучше всех. Просто мне кажется, что в ряду очень интересных театров, интересных режиссеров, мы тоже занимаем свое достойное место. Они должны это понимать и быть единой семьей. Но это — дело времени. Поэтому своими единомышленниками я их пока не считаю, но на то, что в результате мы будем одной веры, надеюсь.

— Кстати, об одной вере. Вам как актеру всегда было свойственно чувство меры, даже в самых страстных монологах. Мне кажется, что именно этого вашим питомцам пока не хватает. Порой они яростно рвут страсти в ключья и старательно «хлопочут физиономиями». Как вы считаете, это уйдет само или над этим придется много работать?

— Я этим занимаюсь. Хотя чувство меры мне самому не было свойственно. Это приобретается с опытом. Меня раньше тоже очень захлестывало, и я очень любил «садиться на глоток». Общение с замечательными режиссерами меня постепенно приучило к другому. Мне очень повезло, что я работал с лучшими режиссерами, которые меня очень многому научили. Я согласен, что излишняя «крикучесть, оручевость, дерзость, нечестность» — это не лучшие черты спектакля. (Хотя, честно говоря, особого перебора пока не вижу). Но ведь у молодых нет опыта, и их темперамент может выражаться миллионами способов. В молодости нет разнообразной палитры, которой обладает зрелый мастер. Для них темперамент — это повышенный тон. Я сам не люблю, когда на сцене много кричат, и с этим борюсь очень давно. И постепенно совладаю.

— «Снегурочка» — это осознанный выбор драматургии или просто пьеса, в которой была возможность занять всех студентов?

— Это осознанный выбор. Честно говоря, я давно бродил около этой пьесы. Островский для меня — лучший русскоязычный драматург, самый мощный, великий. «Снегурочка» — одна из пьес, которая меня давно увлекает. Когда у меня возник курс, мне довольно быстро пришла в голову идея, что это — как раз тот вариант, когда юность культуры, нации, о которой говорил в инскапозательной форме в своей сказочной утопии Александр Николаевич, может очень красиво совпасть с буквальностью молодостью исполнителей. Эта идея мне очень понравилась, и я понял, что она должна закончиться какой-то реализацией. Тогда я и выбрал пьесу для их диплома.

— Является ли «Снегурочка» — по вашим внутренним ощущениям — неким продолжением «Доходного места»?

— По внутренним ощущениям — конечно. Во-первых, это связано с моим восприятием жизни и Островского тоже. Ведь Островский — очень разный, он как драматург по внешним параметрам в разных пьесах очень не похож сам на себя. На нем, как на Шекспире,

можно построить весь репертуар театра. Малый театр, который вырос весь на Островском, — буквальный пример. Но при этом Островский — очень цельный, он пишет об одном и том же — о любви. В любой его пьесе есть любовь. Это прекрасно. И я уверен, что двумя пьесами Островского мы «не отделаемся», мы с ним не расстанемся, пока не выясним наших отношений. Я думаю, что у нас должен быть какой-то третий спектакль по Островскому.

— А сами вы не хотели бы сыграть в пьесе Островского?

— Конечно, хотел бы. Но нужно найти режиссера, который смог бы поставить это на большой сцене. А умеющих ставить на большой сцене режиссеров не так много. Их вообще не много, а для большой сцены режиссеров просто по пальцам пересчитать можно. Многие хорошо себя чувствуют в малых формах, а для большой сцены нужны особые умения, особая энергия. На большой сцене и ставить, и играть труднее. Заполнить энергией небольшое пространство — легче. Это не значит, что легко, но все же легче. И там потери не столь губительны. Ну, немножко сбился с ритма, ну, «провисли», потеряли напряжение. В малом зале это не столь трагично. В большом зале, если ты потерял ритм, напряжение, ты с огромным трудом сможешь это потом восстановить. Иначе сидящий в 25-м ряду зритель просто встанет и уйдет. К тому же, если твой театр находится в Марининской Роше, не в самом интеллигентно-центральной, интеллектуальном районе Москвы. (Смех) Хотя здесь есть свои, уже полюбившиеся мне законы. Здесь публика попроще, если хотите, и погубнее, и это мне очень нравится. Но она долго не будет мучиться от вялости происходящего на сцене, она просто встанет и уйдет. Поэтому всякие вялые экзерсисы на сценах центральных театров, таких, которые находятся рядом с Кремлем, мне просто не позволительны. Я просто не рискую приглашать режиссеров, которые проводят такие эксперименты на большой сцене. Мне приходится «вертеться на пупе», чтобы сюда, в Марининскую Рошу, приехали зрители. На самом деле, конечно, к нам ходят не только из Марининской Роши, мы ведь не районный театр, а государственный, к нам приезжают отовсюду. Но чтобы сюда добраться, надо потратить время, а потом и «утрудниться», чтобы выбраться отсюда. Поэтому, чтобы окупить затраты, надо показывать что-то очень яркое, что в результате может полюбить зритель. Зрителей надо отблагодарить за то, что они пришли, сидят и смотрят спектакль.

— Значит, вашему «Сатирикону» — не до эпатажа, не до экспериментов?

— Мы не будем эпатировать, а экспериментировать мы должны, что и делаем всегда. Это не одно и то же. Эпатаж — это внутренняя установка, когда шокируют «по-плохому», агрессивно и при этом не любят публику. То есть, театральный напор с отрицательным знаком. Хотя прессинг, атаку на зрителя я люблю. Атаку положительным темпераментом, любовью, красотой и благородством...

Вопросы задавал Павел ПОДКЛАДОВ